

Дунай сватает невесту князю Владимиру

Да во стольнеём городе во Киеве
А у ласкова князя да у Владимира
Заводилось пированьё, был стол, почесьён пир,
А-й да про многих хресьян, про руських бояров,
Да про тех же хресьянушок прожитосьних,
Да про тех же про руських богатырей,
А про тех полениць да приудалых,
А-й да про тех наездиницьков пресильних,
А да про ту где сироту да маломожонну.
У нас день-от идёт да день ко вечеру,
А катилось красно солнышко ко западу,
А ко западу катилосе — ко закату.
А ишше пир-от ведецьсе, да полцесна пиру —
А уж как все на пиру да напивалисе,
А уж как все на цесном да наедалисе,
А уж как все на пиру да пьяны-весёлы,
А уж как все на пиру да сидят-хвастают:
А-й да богатой-от хвастат да золотой казной,
А-й да богатырь-от хвастат своей силою,
Ише силою-порою да богатырьскою,
А да наезник-от хвастаёт добрым конём,
А хрестьянин-от хвастат да широким двором,
А ише глупой-от хвастат молодой жоной,
А неразумной-от хвастаёт родной сёстрой,
А ише умной-разумной — да старой матушкой.
А-й да Владимир-князь по грынюшки похаживал,
А да козловыма сапожками да поколачивал,
А ише менныма-то скобками по... побрякиват,
Ише белыма руками сам прирозмахиват,
А злаченыма перснями да принашшалкиват,
Ишше русыма кудрями да принатряхиват;
Ишше сам из рецей так выговариват,
Ишше сам говорил да таковы слова:
«А уж вы ой еси, гости да мои госяи вси,
А вы названные гости все отобранные!»

Ише все у нас во городе все поженёны,
А девици-души красны замуж повиданы —
А един я один, молодець, холост хожу,
А холост-де хожу, да я нежонат слову.
А не знаете ле вы мне-ка где обрусъници
А обрусъници мне-ка да супротивъници,
Супротивници мне — да красной девици:
А котора бы девица да нонь стадном стадна,
А стадном бы стадна бы да ростом висока,
Тиха-модна походацька — павиная,
А тихо-смирна где рець была — лебединая,
Оци ясны у её — будто у сокола,
Церны брови у её — будто у соболя,
А ресъници у её — да два цистых бобра,
А ишше ягодници — да будто маков цвет,
А лицё бело у её — да ровно белой снег,
А руса коса у её — до шолкова пояса?»
А тут большой-от кроницьсе за среднёго,
А ише средней-от кроницьсе за меньшого,
А от меньшого, сидят, — долго ответу нет.
А да един тут молодець сидит-призадумалсэ.
А и<з>-за то́го стола и<з>-за окольнёго,
И<з>-за окольнёго стола и<з>-за переднёго,
А из-за тех же скамеечек белодубовых,
А из-за тех как ествова как сахарных,
А из-за тех же напитков да розналисьних
А и выставаёт удалой да доброй молодець,
А по имени назвать да по извотцины —
А што по имени Добрыня да свет Микитиць млад.
А он поближе ко Владимиру подвигаицсэ,
А пониже он Владимиру поклоня[и]цсэ,
Ишше сам говорит да таково слово:
«А уж ты ой еси, Владимир да стольнё-киевской!
А позволь-ко-се мне да слово молвити,
Слово молвити мне да рець говорити —
Не увольте меня за слово скоро сказнить,
А скоро меня сказнить, скорее повесити,
Не сылать меня во сылоцьки во дальние,
А не садить во глубоки да темны подгреба!»

А говорил тут Владимир да стольне-киевьской:
«А говори-тко ты, Добрынюшка Микитиць млад,
Говори где, Добрыня, цево те надобно, —
Не сошлю я тя во сылоцьки в те во дальние,
Не срублю, не сказню у тя буйной головы,
Не посажу я тибя да в темны подгрёба!» —
«А да послушай-ко, Владимир да стольне-киевьской!
А во том где поли было, во роздолъици
А у тя есь нонь в цистом поли глубок погрёб:
А в глубину где погрёб — сорока сажон,
А в ширину-ту где погрёб — да сорока локот,
А в ожину где-ка погрёб — да всё коса сажень.
А 'шше есь в погребу у тя потерёмшицёк,
А що по имени Дунай да сын Ивановиць,
А да сидит он у тя ровно пятнаццать лет.
А бывал где-ка Дунаюшко по всем землям,
А по всем где землям, по разным городам,
А служил где-ка Дунай да ноньце всем королям —
А ише знат тут Дунай да людей всяких!»
А говорил де-ка Владимир да стольнё-киевьской:
«А уж ты ой еси, удалой доброй молодець,
А по имени Добрынюшка Микитиць млад!
А говорил бы ети речи не с уговоркою —
А срубил я, сказнил твою буйну голову!»
А на босу ногу башмацьки да он нахватывал,
На одно плечё солопцик всё натегивал,
Поскоре того брал да золоты ключи,
А выходил где Владимир да на красно крыльцё —
А закрыцьял где Владимир да громким голосом:
«А уж ой еси, ключьницьки-замоцьницьки!
А возьмите-тко вы да золоты ключи,
А откатите каменьё да всё ведь сероё,
А розбросай[те]-тко плитки да всё железные,
А отмыкайте замки вы всё булатные,
А отпирайте двери да всё укладные,
А выпускайте-тко Дунаюшка на белой свет,
А на белой-от свет да на поцесьён пир!»
Да на то ети слуги да не-й ослушались —
Да пошли где они да во цисто полё,

Откатали каменьё да всё горяцеё,
Роскинали тут плитки да всё залезныя,
Отмыкали замки тут всё былатныя,
Отпирали тут двери да всё укладныя —
А они звали Дунаюшка на поцесьён пир:
«А уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановиць!
А пойдём-ко, Дунаюшко, на белой свет,
А на белой где свет да на поцесьён пир
А ише хлеба-де, соли тут покушати,
Перевару где пить али зелена вина,
А со князём со Владимиром дума думати:
А без тебя-де, Дунаюшко, нонь пир не йдёт!»
А первой ногой ступил тут на с[ту]пенек он,
А второй ногой ступил на мать сыру землю.
А проходя идёт Дунай да по цисту полю,
А проходя идёт Дунай да ко красну крыльцю,
А проходя идёт Дунай да по новым сеням,
А проходя идёт Дунай да во светлу грыню.
Он ведь крест-от кладёт тут по-писаному,
А поклон он ведёт тут по-уцёному.
А ише князю Владимиру целом не бьёт,
А целом где не бьёт — да головы не гнёт,
А только падал в ноги брату крестовому:
«А те спасибо те, братилко крестовой тут,
А на молоды Добрынюшка Микитиць млад!
А не ты мне-ка братилко крестовой был —
А не бывати-то мне, брат, на святой Руси.
А не видать тут как мне было бела свету,
А не слыхать-то цетья-петья церковного,
А не слыхивать звону да колокольнёго!»
А говорыл тут Владимир да стольнё-киевьской:
«А проходи-ко, Дунай да сын Ивановиць,
А садись-ко-се, Дунай, да за дубовой стол
А за дубовой где стол да на поцесьён пир —
А выбирай сибе место, где те надобно!»
А ише тут-де Дунай да сын Иванович
А ише выбрал где место, где ёму надобно:
А он пониже-то Илеюшки, стары казака,
А повыше-то Добрынюшки Микитича.

А наливал-де Владимир да зелена вина
А подавал-де-ка Дунаю сыну Ивановичю.
Ише стал тут у Дунаюшка всё тут спрашивать:
«А уж ты выпей-ко, Дунай да сын Ивановичь!»
А наливал где-ка цяру да во второй тут раз,
Наливал где ему да всё во третьей раз:
«А-й да послушай-ко, Дунай да сын Ивановичь!
А ише все у нас во городе тут поженёны,
А девици-души красны замуж выданы —
А един я только, молодець, холост хожу,
А холост-де хожу, я нежонат слову!
А не знаёшь ле ты мне-ка да где обрусьници
А обрусьници мне тут — супротивници,
Супро[ти]вници мне, да красной девици:
А котора щобы девиця стадном стадна,
А стадном где стадна да ростом висока,
Тиха-модна походацька — павиная,
А тихо-смирна где рець была — лебединая,
А оци ясны у её — будто у сокола,
Церны брови у её — будто у соболя,
А ресници у её — да два цистых бобра,
А ише ягодници — да будто маков цвет,
Лицё бело у её — да будто белой снег,
А руса коса у её — до шелкова поеса?»
А говорил тут Дунай да сын Ивановичь:
«А послушай-ко, Владимир да стольно-киевьской!
А во том же во городе во Ляхови
У того короля у ляховиньского
А ише есь тут Опраксея-королевисьня;
А сидит она во горёнки еднёшенька,
Она ткёт всё красеньця да всё шелковые:
По тобуроцькам у её — да сизы голубы,
А по набилоцькам у её — да ясны соколы,
А по подножецькам у ей — да церны соболи».
А говорил-де-ка Владимир да стольне-киевьской:
«А-й уж ты ой еси, Дунай да сын Иванович!
А поежжай-ко ты ко городу ко Ляхову
А к тому королю да ляховиньцьскому!»
А говорил тут Дунай да сын Ивановичь:

«А послушай-ко, Владимир да стольнѣ-киевьской!
А ише как я поеду городу ко Ляхову
А к тому королю да ляховиньскому?
А ише нету у мня да платья цветного,
А ише нету у мня да всё добра коня,
А ише нету у мня сбруи да лошадиное!..»
А да спроговорил Владимир стольно-киевьской:
«А уж ты ой еси, Дунай да сын Ивановиць!
А срежайсе, Дунай, по-подорожному:
А дам я тибѣ да платьѣ цветное,
А дам я тибѣ да коня доброго!»
А говорыл тут Дунай да сын Ивановиць:
«А мне-ка дай как братилка крестового —
А на молоды Добрынюшку Микитиця!»
А ише зацели богатыри срежал[т]исе,
Ише зацели могуци отправлятисе —
А седлали где, уздали они добрых коней,
А у князя-та у Владимира спросилисе,
У ёго-де они благословилисе.
А садились добры молоццы на добрых коней,
А поехали они во путь-дорожецьку.
А да приехали ко городу они ко Ляхову
А к тому королю да ляховиньцькому,
А вязали тут коней они ко красну крыльцю.
Да пошол-де Дунай да в нову горницю
А к тому королю да ляховиньському:
А он крест-от кладѣт да по-писаному,
А поклон-от ведѣт да по-уцѣному.
А да стрецят ёго король да ляховиньской тут:
«А проходи-ко-се, Дунай да сын Ивановиць!
А во роботники пришол ко мне, во служаноцьки?..
А у мня тебе роботка да не цяжолая,
А не цяжола роботка — да заботлива!»
А говорил тут Дунай да сын Ивановиць:
«А не в роботнички пришол я, не в служаноцьки;
Я пришол я к тибѣ ноньце посватацьсе
А за тóго за князя за Владимира
А на той же Опраксеи-королевисьни!»
Ише тут королю-ту за беду пришло,

А за велику досаду показалосе:
«А не отдам я за вора, за розбойника,
Не отдам я за плута, за мошенника,
Не отдам за носьнёго полуносъника,
Не отдам я за князя за Владимира!»
А говорил тут Дунай да сын Ивановиць:
«А да добром ле ты дашь — дак мы добром возьмём;
А добром не дашь — дак возьмём силою!»
А брал короля да во белы руки,
А метал короля во полы кирпичьние.
А ишше тот-де король да ляховиньской же
А отпирал тут окно да всё кошесьцятю,
А заиграл где-ка он да он во турьей рог:
«А уж вы ой еси, тотара всё поганые,
А те же мурзы́ки всё неверные!
А собирайтесь ко мне вы да на широкой двор —
А возьмите-тко руських богатырей!»
А ише тут-де Дунай да сын Ивановиць
А пошол-де во грынюшку во столовую,
А где, сидит где Опраксея-королевисьня,
А она ткёт красеньця всё шелковые.
А говорила тут Опраксея-королевисьня:
«А проходи-ко, Дунай да сын Ивановиць!
А садись-ко, Дунай, да за дубовой стол,
А бери-тко, Дунай, ты звоньцятю гусли —
А утешай-ко меня, да красну девушку!»
А говорил где Дунай да сын Ивановиць:
«А ты послушай-ко, Опраксея-королевисьня!
А не играть я пришол к тебе звоньцятю гусли,
А не утешать я тибя, да красну девушку, —
А я пришол я к тебе ноньце посватацьсе
А да за то́го за князя за Владимира!
А ставай-ко, Опраксея, на резвы ноги,
А бери-тко, Опраксея, золоты ключи,
А одевайсе, Опраксея, по-подорожному!»
А Опраксея-кнегина тут не ослушалась:
А ставала она да на резвы ноги,
А брала где она да золоты ключи,
А отпирала-де двери да всё укладные.

А по новым-то селям тут руцьи бежат,
А тут руцьи бежат крови горячее.
А да Опраксея-кнегина стала плакати:
«А да умел меня батюшко засеети,
А умела меня маменька спородити;
А умел меня батюшко споростити,
А умел миня батюшко вспоить-скормить,
А умел миня батюшко хорошо средить,
А умел миня батюшко всёму выуцить —
А не умел миня батюшко взамуж отдать
А без бою нонь меня да всё без драки тут,
Без большого великого кроволитьця!..»
А ише тут-де Добрынюшка Микитиць млад
А он прибил-прирубил всю силу неверную,
А пропустил он, пролил да нонь горяцю кровь.
А снаредилась Опраксея по-дорожному.
А выводили они ей на красно крыльцё,
А-й да садили они ей да на добрых коней —
А повезли где ко городу ко Киеву,
А к тому же ко князю ко Владимиру.

(Зап. А. Д. Григорьевым 24 июля 1901 г.: д. Кузьмин Городок Погорельской вол. — от Рассолова Ермолая Васильевича (из д. Печище), 50 лет.)

Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. Т. 3: Мезень. СПб., 1910.